

Парижский наблюдательный пункт

Традиции и актуальность коалиции статус-кво

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

2023 год должен был начинаться с того, что обладающая сильными позициями исполнительная власть была бы вынуждена запустить пенсионную реформу, целью которой является повышение пенсионного возраста. Провести реформу рекомендовала Европейская комиссия, так как по сравнению с другими странами ЕС французская ветвь европейского империализма отстаёт в данной области и, учитывая уровень бюджетного дефицита и государственного долга, имеет меньшую свободу действий в отношении бюджета, чем более экономически динамичные страны ЕС.

По данным немецкой газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, расходы на пенсии во Франции составляют 13,4 % ВВП по сравнению с 10,4 % ВВП в Германии; уровень занятости людей в возрасте от 60 до 64 лет почти на 30 процентных пунктов ниже, чем на другом берегу Рейна, и почти на 10 процентных пунктов ниже, чем в Италии. Ожидаемая продолжительность жизни после выхода на пенсию во Франции, в зависимости от пола, на 3–4 года выше, чем в Германии. Пенсии во Франции являются первой статьёй расходов бюджета. Таким образом, это важнейшая область для европейской реструктуризации и империалистического противостояния, особенно в условиях определения новых дозировок государственного интервенционизма в основных центрах унитарного империализма.

Бюрократическая буржуазия

Запуск реформы должен спровоцировать оборонительную борьбу со стороны некоторых отрядов нашего класса. Однако в буржуазном политическом ландшафте есть сильная *партия статус-кво*, которая надеется пожать электоральные и идеологические плоды от непопулярных реформ.

В интервью еженедельному изданию *Le Point* левоцентристский историк Мишель Винок критикует склонность французов сочетать требование к государству о социальной защите с бунтарским индивидуалистическим менталитетом. По его мнению, «французы – анархобонапартисты».

Эта социально-совранистская традиция вытекает не только из богатой событиями социальной истории страны, но и из некоторых особенностей французской буржуазии и её истории.

В письме Энгельсу от 27 июля 1854 года Маркс рецензирует книгу 1853 года “История происхождения и успехов третьего сословия” Огюстена Тьерри, которого он назвал «отцом “классовой борьбы” во французской историографии». Маркс комментирует: «Очень недурно изложено, хотя без соответствующих обобщений, как [...], по крайней мере с момента возвышения городов, французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности. Это безусловно характерно даже и для современной Франции»¹.

Напомним, что в дореволюционной Франции парламенты одновременно были и судами. Сегодня в историографии существует единое мнение о том, что французской буржуазии свойственно служить государю и государству. В период абсолютизма приобретение должностей было хорошим способом обогатиться и позволяло получить дворянский титул. Бюрократический титул “дворянина мантии” сосуществовал с традиционным титулом “дворянина шпаги”. Такие условия, развившие политическое чувство класса, стали одной из причин дефицита экономического сознания в буржуазных дебатах во Франции. Экономика часто рассматривалась, в первую очередь, как необходимость для политического величия страны.

Статус-кво и конкуренция

По мнению некоторых авторов, слабость экономического мышления во Франции также связана с нынешней социальной структурой страны. В книге 2015 года “*France-Allemagne: la difficile convergence*” профессор Страсбургского университета Мишель Хау утверждает, что «деиндустриализация способствовала усилению этой особенности французского общества:

доля населения, занятого в секторе, подверженном международной конкуренции, в период с 1975 по 2009 год упала с 47,5 до 35 %, в то время как занятость в государственном секторе выросла с 18 до 31 %». Без диалектического видения эти данные кажутся парадоксальными: по мере выхода из цикла государственного капитализма и открытия либеристского цикла, и усиления централизации финансового и промышленного капитала разрастается паразитизм, характерный для империалистической фазы.

Далее автор цитирует Жан-Клода Трише, бывшего президента ЕЦБ: *«Когда вы работаете в экспортно-ориентированной компании, подверженной международной конкуренции, как большинство немецких компаний, устанавливается прямая связь между конкурентоспособностью вашей компании и защитой вашего рабочего места. Если ваше рабочее место не находится под угрозой, вы можете искренне думать, что между конкурентоспособностью вашей компании и вашим рабочим местом нет никакой связи».*

Степень открытости

Однако необходимо прояснить эти довольно односторонние заявления. По вопросу открытия к европейской и глобальной среде, как гласят два документа Национального института статистики и экономических исследований Франции (Insee), существует не столько французская особенность, сколько разделение Европы, основанное на размере стран. Согласно этому прочтению, исключением скорее является Германия – единственная демографически большая страна с большой степенью открытости.

В документе *“La France dans l’Union européenne”* (2019) говорится, что в 2017 году *«показатель экспорта, характеризующий степень открытости страны для международной торговли»*, «сильно» различался внутри ЕС. *«Эти различия объясняются несколькими факторами, в первую очередь размером стран. Так, небольшие по численности населения или площади страны, как правило, имеют более высокий уровень экспорта: в Люксембурге, Мальте и Нидерландах показатель даже превышает 100 %, – в то время как в крупных странах, таких как Великобритания, Франция, Италия и Испания, этот показатель составляет от 30 до 34 %».* Германия же *«выделяется значительно более высоким уровнем экспорта (47 %), что связано со значительным весом обрабатывающей промышленности в экономической деятельности страны».* Страны Восточной Европы занимают отдельное место благодаря их интеграции с немецкой производственной машиной. Например, Польша, *«хотя географически и обширная, занимает особое положение с уровнем экспорта в 96 %».*

В *“La géographie des échanges commerciaux de biens au sein de l’Union européenne”* (2019) сообщается, что в 2016 году *«показатель торговой открытости»* четырёх основных членов зоны евро составлял *«от 21 до 24 пунктов ВВП в случае Франции, Италии и Испании и достигал 35 пунктов в случае Германии».* Другие давние страны еврозоны, *«имеющие меньшую площадь и экономический вес, явно более открыты со средним показателем в 48 пунктов ВВП».*

Мы можем предположить, что некоторые “малые” страны, будучи более зависимыми от экономической конъюнктуры, более чувствительны к вопросам конкурентоспособности, чем большинство крупных стран, опирающихся в большей степени на свой внутренний рынок. Открытость Германии – экономическая основа её политической силы в Европе является исключением среди крупных государств и служит образцом и моделью для французских реформистов, продвигающих программу европейской реструктуризации.

Империалистическая идеология

Это не может скрыть специфику укоренённого французского этатизма, хотя тенденция к усилению государственного вмешательства наблюдается во всех империалистических странах. В статье “Загнивание империалистической идеологии” (июнь 1977) Арриго Черветто указывал, что с концентрацией капитала и обострением международной конкуренции государство вынуждено всё больше вмешиваться в экономику.

«В этой точке империалистической эволюции капитализма возникает ряд идеологий, оправдывающих действия государства». Доимпериалистическая либеральная идеология *«открыто утверждала, что политическая воля следует за экономикой. Империалистическая идеология, напротив, должна утверждать, что политическая воля предшествует экономике и предопределяет её».* Таким образом, *«максимальной*

детерминированности со стороны экономики соответствует максимум политического действия»².

Эта идеология особенно ярко проявляется на электоральной арене. После президентских и парламентских выборов политолог Люк Рубан опубликовал книгу *“La vraie victoire du RN”*. По его мнению, наступление крайне правых происходит на перекрёстке французской традиции и европейского политического цикла.

Наступление “Национального объединения”

Франция *«никогда не была столь либеральной, как Великобритания, чьи элиты, уже с XVI века сделали ставку больше на международную торговлю, нежели на государство»*. *«Во Франции элиты, скорее, способствовали построению и укреплению суверенитета, монархического или республиканского»*. Сегодня автор наблюдает *«фундаментальную трансформацию»* отношения к политике: *«Значительная часть электората рассматривает её не как борьбу идей и идеалов, но как средство выбора того, кто предложит государственную политику, наиболее соответствующую их потребностям или ожиданиям»*. Более того, на нынешнем этапе, который мы определяем как кризис социал-демократизации, *«билет” в государство всеобщего благосостояния становится центральным вопросом»*.

По мнению Рубана, “Национальное объединение” (НО) – это *«единственный реальный победитель»* последнего избирательного цикла. Только эта партия усвоила урок *«демонстраций 2018 и 2019 годов, ускользнувших от внимания партий и профсоюзов, неконтролируемых, часто насильственных, атаковавших не капиталистов, а государство и налоговые органы»*.

Марин Ле Пен *«значительно увеличила электоральный охват, собрав вокруг своего имени на 1,5 миллиона голосов больше, чем в 2017 году»*. Наблюдается электоральное проникновение НО *«в социальные круги, где исторически оно слабо присутствовало, например, в высшие социально-профессиональные категории, в среду выпускников университетов высшего уровня или государственных служащих, среди которых выпускников в среднем больше, чем среди наёмных работников частного сектора»*. Таким образом, *«НО становится преимущественно партией высших слоёв среднего класса»*, которые сегодня составляют 52 % её электората.

Расширение межклассовой электоральной коалиции за счёт этих слоёв является необходимым условием для того, чтобы эта партия смогла пробить стеклянный потолок французской двухтуровой мажоритарной избирательной системы.

Январь 2023 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 321–322.

² - Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2018. С. 27–28.